

Вадим ШАМШУРИН

*Вадим Шамиурин родился в 1980 году в г. Клайпеде (Литва). В 1998 году переехал в Санкт-Петербург. Окончил факультет географии и геоэкологии СПбГУ. Живет в Петербурге. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Волга», «Сибирские огни» и др.*

## БЕСПАМЯТСТВО

### Рассказ

Я стоял и уже не знал, зачем проделал весь этот путь. Пожухлая трава пробивалась через позеленевший мелкий гравий. В некоторых местах была видна ломкая от времени чёрная целлофановая плёнка. Я взялся за длинные сухие стебли, потянул на себя, но тут же бросил, заметив, что рвётся плёнка, рассыпается гравий от сопротивляющегося узла разросшихся в земле корней. У надгробия лежали потемневшие пластмассовые цветы. Кто их положил, для меня было загадкой, но во мне шевельнулась надежда, что кто-то всё же ухаживает за могилой. Я стоял в ожидании, вслушиваясь в собственные ощущения, ждал, когда во мне станет заметна печаль или ещё лучше горе. Но ничего кроме холода и скуки я не чувствовал.

Я приехал в родной город на автобусе ранним утром. Выехал с вечера в ночь, промаялся двенадцать часов в таком, поначалу, удобном и мягком кресле. В окне ничего особо было не разобрать, темнота и тёмные силуэты спящих деревень и пригородов. Фонари с жёлтыми головами, редкие встречные автобусы и автомобили. Я иногда проваливался в хрупкий сон, ко мне подступали тени, но колесо ударялось об очередную яму, и, вздрогнув, я возвращался к скучному ожиданию. Всё больше мне казалось, что это какая-то лишённая всякого смысла блажь, что не нужно было поддаваться этому.

Я протянул руку и притронулся к выбитым на камне буквам. Подушечками пальцев почувствовал тонкий склизкий слой плесени и мокрой грязи. Вытер руку об джинсы и, развернувшись, пошёл в сторону ворот к автобусной остановке.

От кладбища до города ходил только один автобус. Номер семнадцать. Я помнил это. Но сейчас не был уверен, что за это время всё осталось, как раньше. Спустившись по мощёной булыжной мостовой, мимо светлеющих лицами при моём приближении продавщиц искусственных цветов, я вышел к прямоугольному зданию администрации.

«Я заплачу им. Они всё сделают. Приведут могилу в порядок. Будут смотреть за нею. И мне не нужно будет ездить. Отличное решение».

Я дёрнул дверь, но она была заперта. Я в недоумении посмотрел на табличку с часами работы. Она была из отшлифованного чёрного мрамора и походила больше на надгробие. Сегодня был выходной.

От холода меня начало потряхивать. Я стоял на остановке, но автобуса всё не было. Высокое серое небо. Застывшие чёрные сети деревьев с неподвижными воронами на ветках. Хрустальный ледяной мир. Я дрожал, дул на руки, но казалось, изо рта вырывается такое же холодное дыхание, как и воздух.

Только через сорок минут приехал автобус. Никто из него не вышел. Я забрался внутрь. Но автобус выключил мотор и стоял, холодея. Всё больше раздражаясь, но сдерживая себя, я сидел у печки, и ждал, когда мотор вновь заработает и мы поедem хоть куда-нибудь. Как будто бы кладбище не отпускало меня, не получив положенной ему дани. Но я убеждал себя, что всё это глупости.

Я подошёл к водительской кабине, чтобы узнать, когда мы поедem. Вздрогнул, увидев мёртвого человека на сиденье. Он привалился к двери, рот на сером неподвижном лице был приоткрыт, застывшие руки лежали на руле. Чтобы убедиться, что это не мираж, я протянул к нему руку, коснулся плеча. Он глубоко вздохнул. Чуть уронил голову на грудь и проснулся.

Добравшись до города, я вышел на остановке рядом с тем местом, где жил раньше. Всё было знакомым, и всё было иным. Над зданием, в котором раньше был кинотеатр, теперь светила вывеска, что это ресторан. Времени было уже около трех часов дня. Получалось, что со вчерашнего дня я ничего не ел. Странно, поняв это, я только тогда почувствовал сильный голод. Недолго думая, я стал подниматься по широким ступеням, ведущим ко входу. Толкнув стеклянную дверь, я оказался в большом холле, в котором были расставлены столы. Тихо играла музыка. Ни один человек не сидел ни за одним столом. Я отодвинул стул и опустился на сиденье, обитое красным бархатом, и стал ждать. Никто не появлялся. В этом городе явно не хватало людей. Их почти не было на улицах. Редкие машины проезжали по широким улицам. Я призрак в призрачном городе. Но, блин, я очень хотел есть.

– Эй, – крикнул я, – есть тут кто-нибудь?

Мой голос подхватило эхо. Я вздрогнул, когда совсем рядом за правым плечом услышал вежливое покашливание. Официант, чуть склонившись, в ожидании застыл с блокнотом в руках, готовый принять заказ.

– Вы уже выбрали? – спросил он.

– Нет, – преодолевая раздражение, ответил я, – у меня нет меню.

– Вам нужно меню? – уточнил он, уже что-то записывая.

– Нет! – вскинулся я.

Он молчал, а я пытался успокоиться. Что я, правда, так бешусь? Видимо, от голода. Скорее надо поесть. Но что?

– У вас есть цепеллины? – вдруг спросил я.

– Цепеллины? – снова переспросил официант и что-то записал в блокнот.

– Да, – чему-то обрадовавшись, подтвердил я, – две порции.

– Вы уверены?

Мне начало надоедать играть в эту игру, и я ничего на это не стал отвечать. Но он стоял и ждал.

– И водки, – велел я, – триста грамм.

Он одобритительно кивнул и снова записал в блокнот.

Мама делала цепеллины. Я помогал ей тереть на тёрке сырую картошку. От неверного движения по тёрке вместо картофелины проходили костяшки верхних фаланг большого и указательного пальцев, картошка пропитывалась каплей крови. Сырая тёртая картошка выжималась через марлю, смешивалась с варёной картошкой. Из фарша с мелко порезанным луком делались шарики, которые ладонями закатывались в картофельное тесто.

Водку принесли раньше, и я не стал дожидаться остального. Налил и выпил. Обожгло горло, и, словно уничтожая сбившуюся в комки пыль пламенем, приятная тёплая волна прокатилась под черепом. Сознание смазлось и одновременно стало светлее. Я снова окинул зал ресторана обновлённым взглядом. Кое-где за столиками сидели люди. Они негромко общались, вплетая свои голоса в монотонный гул и позвякивания вилок и ножей. За соседнем столиком сидели две девушки, и одна из них то и дело бросала на меня взгляд и словно не мне улыбалась.

Силы и уверенность переполняли меня. Я откинулся на спинку стула и пристально смотрел на то, как она смеётся, как поправляет пальцами чёлку, как блестят её зубы, и видел, что каждое её движение, как перед зеркалом, направлено на меня. Она знала, что я смотрю на неё, и поэтому она обыгрывала свой облик как перед объективом камеры.

Я знал, что будет дальше. Совсем скоро я подойду к её столику. Её подруга будет казаться вначале недовольной, но я, очень скоро перейдя на ты, удачно пошучу первый, второй раз. Они будут звонко смеяться, незаметно для меня переглядываясь между собой, общаясь только им известной системой знаков. Я буду настойчив и лёгок, постепенно концентрируя всё своё внимание только на ней, мы будем всё ближе друг к другу. Телефон у подруги зазвонит, и, к общему сожалению, ей придётся скорейшем образом покинуть нас. Мы останемся вдвоём. Выйдем из ресторана вместе. Я буду держать её за руку, по нашим пальцам будет струиться упругая энергия, влекущая нас друг к другу. Мы вопьёмся друг другу в губы, нас охватит ярость безудержного влечения друг в друга. Не соображая совершенно, где мы и кто мы, что будет завтра

и что было вчера, мы перешагнём порог гостиничного номера, и уже на пороге станем снимать всё то, что так мешает нам соединиться в одно целое.

Я выпил ещё рюмку. Мне стало так хорошо. Покачиваясь, я подошёл к их столику и, упав на свободный стул, под недоуменными их взглядами, выпалил:

– Они жили долго и счастливо и умерли в один день.

Я засмеялся, очень довольный собой, но видя, что они так и не врубилась, продолжая широко и радостно улыбаться, попытался объяснить.

– Я приехал к родителям. Проведать их. Вам понятно?

И, продолжая похихатывать, я вернулся за свой столик и ещё выпил рюмку.

Время ускорилося. Гул голосов то становился громче, то его уносило куда-то в сторону, будто бы ветром. Я подсаживался к разным столикам, мне хотелось быть ближе к людям, говорить им приятные вещи, обнимать их, угощать выпивкой.

Либо я вышел подышать, либо меня осторожно вышвырнули, но когда я обернулся, ресторана за спиной уже не было, будто я оказался на полустанке и мой поезд ушел.

Я брёл по улице, всматриваясь в фонари, пытаюсь разобрать, где я. Ко мне подступал холод, но из меня с ревом вырывался жар, из распахнутой рубашки било тепло, растапливая застывшие холодные улицы.

Дома кренились ко мне. Я останавливался и пристально всматривался в них.

Здесь, мне казалось, был мой детский сад. Вдоль корпусов младших и средних групп тянулись паровозы, на которых можно было добраться каждый раз в другую страну. Я попытался влезть в вагон, но он оказался какой-то будкой. Не было и каруселей, которые заваливались на одну сторону, и поэтому приходилось поджимать ноги, как только карусель шла вниз. Я искал железные выгнутые дугой качели, на которых устраивались гонки... Ничего этого не оказалось. Голый и пустой двор. Темные окна покинутых повзрослевшими детьми зданий.

Но как-то надо было пробираться дальше.

Каменные фигуры подступили ко мне. Они заполнили улицы этого пустого города. Я шёл от фигуры до фигуры. Каменные истуканы. Дети. Старики. Мужчины. Женщины. Среди деревьев, дорожек, аллей. Людские головы вырастали прямо из-под земли. Огромные каменные глаза. Я тянул к ним руку и чувствовал, как холод неподвижных зрачков проникает через пальцы в меня. Всего моего пламени не хватало, чтобы вдохнуть хоть немного тепла в эти неподвижные и мёртвые изваяния. И, как обессилев, я катился дальше, всё быстрее и быстрее, будто бы был круглым камнем, заброшенным кем-то на вершину горы и там не сумевший удержать равновесие.

Я сидел на поребрике у клумбы у нас во дворе, с большим усилием поднимая голову на светящиеся окна квартиры, в которой мы жили раньше. Мне хватало сознания, чтобы не начать кидать мелкие камушки, как делали друзья, чтобы не звать меня в гулкой каменной коробке двора. Мне было холодно. Каждую клетку моего тела колотило дрожью, которую я не в силах был унять. Я делал попытки подняться, но валился назад, падал, с недоумением понимая, что руки и ноги так просто меня уже не слушаются, разбредаются в стороны, бормоча свою бессмыслицу.

– Хорошая собачка, – я подзывал к себе настороженного пса, который вышел откуда-то. Я фокусировался на его морде, но ничего не получалось, пока я не закрыл один глаз. Я уговаривал его подойти ближе, но он всё время отбегал, стоило мне шевельнуться.

– Чарлик, Чарлик, – я вспомнил его имя. Он умер от старости, когда мне было шесть или семь лет. Старый неповоротливый пес, с длинным сизым языком. Обросший длинной свалывшейся шерстью. Мягкий, теплый.

Я обхватил его за шею и сидел так, рыдая и согреваясь.